

О ДЕФЕКТАХ ОСОБЕННОЙ ЧАСТИ УГОЛОВНОГО КОДЕКСА РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ СИСТЕМНОГО ХАРАКТЕРА

В последнее время в юридической литературе уделяется значительное внимание анализу используемой в Уголовном кодексе Республики Беларусь терминологии, определений уголовно-правовых понятий на предмет соответствия требованиям нормотворческой техники. Среди недостатков (или дефектов) уголовного закона отмечаются отступления от лексических и логических правил определения уголовно-правовых понятий, неоднозначность используемой терминологии, чрезмерная распространенность оценочных признаков, громоздкие формулировки диспозиций норм и т. д.

Однако при этом упускается из виду еще одна, не менее существенная группа дефектов. В соответствии со ст. 2 закона Республики Беларусь «О нормативных правовых актах Республики Беларусь» УК, являющийся кодифицированным нормативным правовым актом, должен обеспечивать полное системное регулирование определенной области общественных отношений. Применительно к Особенной части УК это означает наличие четкой системы изложения уголовно-правовых норм, криминализацию всех деяний, представляющих повышенную общественную опасность для определенного круга правоохраняемых общественных отношений.

В основу системы Особенной части, как известно, положена классификация объектов уголовно-правовой охраны, в соответствии с которой непосредственный объект преступления, предусмотренного нормой УК, должен составлять часть родового объекта, обозначенного в соответствующей главе (разделе).

Очевидно, что данному требованию не соответствуют нормы ст. 171 УК и ст. 171¹ УК, непосредственным объектом которых является общественная нравственность в сфере сексуальных отношений, которая соответствует родовому объекту гл. 30 УК «Преступления против общественного порядка и общественной нравственности». В гл. 30 УК было бы логичнее поместить и ст. 230 УК, поскольку, как справедливо отметил А.И. Лукашов, непосредственным объектом данного преступления является установленный порядок оборота историко-культурных ценностей.

Аналогичным образом, вряд ли можно утверждать, что родовый объект гл. 21 УК «Преступления против уклада семейных отношений и интересов несовершеннолетних» затрагивается во всех случаях совершения преступлений, предусмотренных ст. 178 УК и ст. 179 УК. Указанные статьи более логично было бы поместить в гл. 23 УК «Преступления против конституционных прав и свобод человека и гражданина».

Непосредственный объект преступлений, предусмотренных ст. 191 и 192 УК, относится к установленному порядку формирования органов государственной власти и управления. В связи с этим данные статьи более правильно поместить в гл. 32 УК «Преступления против государства».

В то же время исходя из непосредственного объекта преступлений, предусмотренных ст. 369² и ст. 369³, весьма спорным представляется их размещение среди норм гл. 32 УК «Преступления против государства». Не соотносятся с родовым объектом гл. 33 УК «Преступления против порядка управления» как часть и целое и непосредственные объекты преступлений, предусмотренных ст. 383, 384, 385 и 386 УК.

Не соответствует родовому объекту и, по нашему мнению, может быть исключена из УК значительная часть норм, указанных в статьях гл. 37 УК «Воинские преступления»: ст. 455, 456, 459, 461, 463, 464, 465. Привлечение виновных к ответственности за совершение указанных в данных нормах деяний возможно по иным нормам УК. По всей вероятности, исходя из указанных аргументов, из анализируемой главы уже исключены преступления, которые предусматривали ответственность за разглашение государственных секретов (ст. 457, 458 УК). Однако непонятно, почему законодатель не принял аналогичные решения в отношении вышеуказанных статей.

Не менее важной составляющей требования системности правового регулирования является криминализация всех деяний, представляющих повышенную общественную опасность для определенного круга правоохраняемых общественных отношений.

Так, в настоящее время существует проблема в квалификации деяний лиц, склоняющих граждан к платному донорству органов и выезду для проведения операций по трансплантации за пределы Республики Беларусь, необходимость криминализации хищения историко-культурных ценностей, оказания помощи в суициде.

Вместе с тем из системы уголовно-правового регулирования должны быть исключены деяния, не представляющие общественной опасности, присущей преступлению. Так, вызывает сомнения обоснованность ответственности, не ограниченной дополнительными условиями, свидетельствующими о повышенной общественной опасности содеянного, за повторное использование почтовых марок, иных знаков почтовой оплаты (ст. 261 УК), срыв публичных торгов (ст. 251 УК), фальсификацию средств измерений (ст. 259 УК), осквернение сооружений и порчу имущества (ст. 341 УК), компьютерный саботаж (ст. 351 УК), хищение, уничтожение, повреждение либо сокрытие документов, штампов, печатей, хищение бланков (ст. 377 УК).

Наконец, четкость системы построения УК во многом нарушается излишней распространенностью в нем специальных и сложных составов преступлений. Помимо того, что указанные нормы увеличивают объем УК, в практике квалификации преступлений они порождают одну из наиболее сложных проблем разграничения смежных составов.

Например, представляется, что лиц, виновных в совершении деяний, предусмотренных ст. 261, 261¹, 262 УК, можно было бы привлекать к ответственности по общей норме, предусмотренной ст. 380 УК (подделка, изготовление, использование либо сбыт поддельных документов, штампов, печатей, бланков), а виновных в совершении террористического акта (ст. 359 УК), убийстве сотрудника ОВД (ст. 362 УК) – по норме, предусматривающей ответственность за квалифицированное убийство (п. 10 ч. 2 ст. 139 УК). Аналогично, представляется излишним выделение в самостоятельные нормы (ст. 363 и 366 УК) случаев насилия либо угрозы в отношении должностного лица, выполняющего служебные обязанности, или иного лица, выполняющего общественный долг (ст. 366 УК). Сходным образом соотносятся преступления, предусмотренные ст. 226¹ и 255 УК; ст. 227 и 427 УК; ст. 348 и 347 УК; ст. 369 и 368, 391 УК. По статьям о преступлениях против интересов службы (ст. 426 УК и др.) вполне можно было бы привлекать лиц, виновных в совершении преступлений против правосудия, предусмотренных ст. 394, 397, 398, 399 и 423 УК, в рамках ответственности за соучастие в преступлении – виновных в преступлениях ст. 172, 288 и 432 УК.

Среди сложных составов преступлений ярким примером излишнего усложнения является состав ч. 3 ст. 147 УК, предусматривающий ответственность за умышленное причинение тяжкого телесного повреждения, повлекшего по неосторожности смерть потерпевшего, для правильной квалификация которого потребовалось специальное, достаточно пространное разъяснение высшей судебной инстанции. Следует отметить также, что квалифицирующий признак в виде причинения по неосторожности смерти потерпевшему весьма распространен в УК (ч. 2 ст. 125, ч. 3 ст. 130, ч. 3 ст. 156, ч. 2 ст. 161, ч. 2 ст. 162, ч. 2 ст. 164 УК и др.). Но при этом, как справедливо отмечается в литературе, наличие в составе данного признака различно влияет на ужесточение санкции в различных преступлениях.

Проблемы квалификации, порой весьма существенные, возникают применительно и к иным сложным составам: хулиганству (ст. 339 УК), преступлениям, предусматривающим в качестве квалифицирующих признаков применение насилия, причинение тяжкого телесного повреждения, использование должностным лицом своих служебных полномочий, несанкционированный доступ к компьютерной информации и др.

Между тем, проблема сложных составов может быть достаточно просто разрешена: как справедливо отмечает Н.А. Бабий, тот факт, что множество преступлений совершаются способом, образующим самостоятельное преступление, либо влекут последствия, ответственность за

которые предусмотрены отдельными статьями УК, вовсе не означает необходимости формулирования множества отдельных норм для каждого такого сочетания. В подобных случаях достаточно применять правило квалификации по совокупности преступлений.

Таким образом, обеспечение требования системного регулирования уголовно-правовых отношений требует устранения ряда дефектов Особенной части УК, кроме того представляется целесообразным исследование вопроса о возможности оптимизации текста Особенной части УК путем сокращения количества «дублирующих» норм, содержащих специальные и сложные составы.

УДК 340.11

П.П. Сербун

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ МИЛИЦИИ И ТАМОЖЕННЫХ ОРГАНОВ В ФОРМАТЕ ЕДИНОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА: ОЦЕНКА БЛИЖАЙШЕЙ ПЕРСПЕКТИВЫ

Республика Беларусь, Республика Казахстан, Российская Федерация, движимые стремлением обеспечить свое экономическое развитие, использовали экономический потенциал для повышения уровня жизни своих народов – перешли в 2010 г. с зоны свободной торговли в формате Союза Независимых Государств к формату Таможенного союза. На очереди с 1 января 2012 г. формирование общего рынка в формате Единого экономического пространства, когда ликвидируются барьеры между странами не только во взаимной торговле, но и обеспечивается свободное перемещение рабочей силы и капиталов.

Активные горизонтальные сетевые связи юридических, физических лиц будут, безусловно, формировать и различные виды правонарушений, устойчивые преступные группы. Следует ожидать преступную активизацию в сферах таможенного, банковского, финансового, налогового и иного законодательства.

Провоцирующим фактором противоправного поведения отдельных юридических и физических лиц на территории Беларуси будет и впредь ее выгодное географическое положение, обеспечивающее кратчайший путь прохождения грузов между странами Азиатско-Тихоокеанского региона (АТР). Через Беларусь уже сегодня проходит две трети всего транзита из Европы (ЕС) в Россию. При этом эксперты прогнозируют, что и в ближайшее десятилетие основной поток транзита будет осуществляться между странами ЕС и АТР. Объем товарного оборота уже составляет 600 млрд долларов США в год, ежегодное же увеличение динамики мировой торговли ожидается на уровне 6–8%.

Новый импульс получит такой вид преступлений, как коррупция, активизируются преступления связанные с миграцией.

Прогнозируя рост коррупции, нужно помнить о том что, что она всегда посягает на установленный порядок реализации публичной власти. А в связи с масштабами объединительных процессов, прежде всего в экономике, возрастает соблазн у отдельных уполномоченных на выполнение функций государства, совершать противоправные действия с использованием предоставленных им полномочий для получения материальных благ, услуг, льгот и т. д.

С огромной вероятностью следует допускать то, что коррупция при развитии интеграционных процессов будет стремиться распространить свое влияние на формирование властных структур Единого экономического пространства, их функционирования, подготовку и реализацию политических решений.

Безусловно, можно прогнозировать в кадровой политике создание так называемой пирамиды коррумпированных отношений.

При интеграции миграция – естественный и закономерный процесс, позволяющий сбалансировать экономическую, социальную, политическую и духовную сферу государств-участников объединяющихся государств. Этот вывод ученых-социологов подтверждается современной практикой миграции в Беларуси; в 2010 г. за границу уехали более 5 тыс. белорусов. За январь – ноябрь 2011 г. – 5,8 тыс. человек. Прибыли в нашу страну 620 человек. Это граждане Армении (13 %) и Российской Федерации (3,8 %). Из других стран в Беларусь традиционно приезжают с торговыми целями граждане Китая и Вьетнама (около 1 %). Но надо отметить, что это только те лица, которые зарегистрировали свой въезд-выезд. Реальное количество уехавших из Беларуси и прибывших в Беларусь, может серьезно отличаться, – отмечают в МВД Республики Беларусь. В итоге в Беларуси количество незаконных мигрантов, по неофициальным оценкам, составляет около 5 тыс. человек, часть из которых, как показывает практика работы милиции, устремлена не на созидание, а на преступления в виде торговли наркотиками, оружием, распространение проституции и других преступлений.

Теоретическое исследование указанных проблем позволит не только определить масштабы угроз национальной безопасности государств-участников Единого экономического пространства, но и обосновать способы и средства, которые обеспечат их успешное социально-экономическое развитие в долгосрочной перспективе, т. е. в целях обеспечения противодействия правонарушений уже сегодня требуется глубокий, системный подход к исследованию форм, методов существующих и прогнозируемых форм взаимодействия правоохранительных органов.

Особое значение приобретает взаимодействие милиции и таможенных органов, имеющих уже наработанный опыт взаимного сотрудничества в формах контроля на постоянно действующих постах ГАИ, участках дорожной милиции юридических и физических лиц, перемещающих товары, транспортные средства по таможенной территории таможенного союза Республики Беларусь, Республики Казахстан, Российской Федерации; совместного выставления постов.

Высок потенциал взаимодействия соответствующих подразделений милиции и управлений (отделов) таможенных органов по борьбе с контрабандой и административными таможенными правонарушениями.

Какие же меры противодействия правонарушениям можно взять на вооружение правоохранительным органам, в том числе милиции и таможенным подразделениям в условиях нового формата социально-экономического объединения постсоветских государств – Единого экономического пространства? На наш взгляд, это:

государственную политику и стратегию борьбы с правонарушениями в объединенных государствах следует рассматривать в широком социальном контексте. В Едином экономическом пространстве, а с 1 января 2015 г. в Едином экономическом сообществе должна доминировать позиция белорусских ученых И.И. Басецкого, И.В. Капелько, Ю.Л. Сивакова и других ученых о том, что управление по сдерживанию правонарушений является составной частью системы политического руководства обществом, представляющей высший уровень социального управления. Эта посылка должна быть определяющей при всей важности работы правоохранительных органов по традиционной количественной оценке преступности, описанием проявления ее форм, негативных явлений ее детерминирующих;

создание единой системы государственного нормативно-правового сотрудничества, учитывающей интересы государств-участников объединенных государств;

развитие и укоренение единых принципов сотрудничества: открытость; прозрачность; честность; беспристрастность;

доминирование в практической работе правоохранительных органов современных технологий;

формирование системы мониторинга сотрудничества;

введение пространственного планирования мероприятий при институциональной поддержке совместных программ и проектов сотрудничества;